

НИКОЛАЙ
УСПЕНСКИЙ

СЛЕДСТВИЕ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
У77

Успенский, Н.В.

У77 Следствие / Н.В. Успенский. – М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 192 с. – (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-517-00167-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Васильевича Успенского «Следствие».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00167-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕРЕВЕНСКАЯ ГАЗЕТА	5
БРУСИЛОВ	42
ИЗ ДНЕВНИКА НЕИЗВЕСТНОГО	55
РАБОТНИЦА	66
ДЕКАЛОВ	72
I. Проводы	72
II. Семинарская квартира	74
III. Визиты и прощанье	78
IV. Вечер	80
V. Ночь	86
VI. Класс	90
VII. Отпуск	91
VIII. Вечер под рождество	97
IX. Рождество	99
КОЛДУНЬЯ	104
ФЕДОР ПЕТРОВИЧ	111
СЛЕДСТВИЕ	161
КАТЕРИНА	172
ДЕРЕВЕНСКИЙ ТЕАТР	176

СОДЕРЖАНИЕ

ВОР.....	185
Картина первая	185
Картина вторая	187
Картина третья	189
Эпилог	190

ДЕРЕВЕНСКАЯ ГАЗЕТА

I

В один летний день на краю леса, пред которым рассти-
лались луга с болотами, с сигарой во рту сидел помещик де-
ревни Ивовки; подле него лежал молодой человек, недавно
поступивший в дом к этому помещику учителем. Оба они
ходили с ружьями и ничего не убили.

— Я замечаю, Егор Кирилыч, — говорил помещик, — вы
у нас скучаете. Отчего это?

— Я всегда таков, Петр Иваныч, — отвечал учитель. —
Я, собственно говоря, болен: у меня печень болит, — гово-
рят, от водки... Ну, я не могу!..

— Конечно... Только я вам хотел сказать, — не оби-
жайтесь, Егор Кирилыч, — вы, пожалуйста, ученику свое-
му этак излишних намеков насчет вашей страсти... По-
нимаете?

— Я с вами согласен, Петр Иваныч... Разумеется, я не
могу иногда за себя ручаться: я вам и прежде говорил, что
я должности гувернера не беру на себя... Но, насколько ста-
нет моих сил, я буду укрощать свою привычку...

— Ну да, — сказал помещик. — Что касается до меня —
мне все равно: трезвы ли вы, или нет, — и вы у нас не стес-
няйтесь, по-домашнему будьте. У вас есть своя комната:
приехали вы выпивши — никто вас не видит... Жена моя

пьяных не шибко боится. Я сам частенько приезжаю к ней подгулявши.

Из лесу явился молодой человек в белом пальто, с ружьем в руках. Это был из той же деревни помещик Галкин, недавно вступивший в управление наследственным имением и живший в Ивовке с одной своей бабкой.

— Здравствуйте, господа, — заговорил он. — Ну что, ничего не застрелили? И ведь выбрали же мы время охотиться! Такая жара! Я шатался часа четыре и вот убил одну иволгу.

— Садитесь-ко, — сказал помещик.

— Нет, благодарю. А что, вы давно, Петр Иванович, были у Хоботовых?

— Давно уже.

— Я был у них вчера: скука смертельная! На днях я тоже ездил к помещику Кобелеву — что это за лежни! батюшки мои! Представьте, Кобелева я застал на балконе, — лежит в одной рубахе!.. Однако пойдете домой, что вы засиделись?

Помещик и учитель встали и пошли вместе с Галкиным.

— Да-с, скука, скука... — говорил Галкин дорогой. — Я, в Москве живши, совсем забыл деревенскую жизнь: тош-на иногда она бывает! А я вам не сказывал, господа? Я думаю здесь издать газету...

— Что такое?.. — воскликнули помещик и учитель.

— Да, газету... ну, деревенскую газету. Надеюсь, что вы, господин Маркин, не откажетесь быть сотрудником, — отнесся Галкин к учителю.

— С удовольствием. Это вы хорошо придумали.

— Я полагаю!.. Я попрошу писать всех помещиков, даже их жен... Ведь, господа, согласитесь, так жить в деревне, как мы живем, — ей-богу, мочи нет! Надо же чем-нибудь заняться... И как это мне пришло в голову! Ныне поутру лежу я и думаю: «Как досадно, что почитать нечего, этакого легонького — газетного», — ну, и напал на эту мысль. Да какие планы-то начертил!..

Помещик шел молча, повеся голову. Газета Галкина, по-видимому, несколько смутила его.

— Программа уже готова, — продолжал Галкин, — ну, а сотрудники найдутся. — Я вам, господа, скажу: газета может принести огромную пользу, если ее аккуратно повести. Само собою разумеется, не надо допускать ее до сплетней и тому подобного; вот вся и задача! Да, это предприятие, как хотите, так современно — и вдобавок крайне оригинально! Газета, конечно, будет *рукописная*... Переписчики у меня есть. Надо будет завестись еще таким человеком, который бы ездил по окрестностям и собирал новости... Но я имею в виду такого... Я пушу эту газету на возможно большее расстояние: брошу на постоянные дворы, на станции, предложу приказчикам... и все это будет бесплатно... Не правда ли, господин Чаркин, будет хорошо?..

— Превосходно, — сказал учитель.

— Не знаю, удастся ли, Федор Семеныч, ваше дело, — сказал помещик. — Я думаю, как всякое неожиданное явление, ваша газета многих поставит в тупик.

— Помилуйте, в чем вы тут сомневаетесь? Ради одной уже новости, что выходит деревенская газета, все примутся не только читать — писать!.. Ну, вы первый — разве откажетесь участвовать?..

— Пожалуй... Я хоть напишу о выжигании тока... Я хотел напечатать в «Московских ведомостях» о выжигании тока.

— Ну, вот видите! Вы — о выжигании тока, другой — об эманципации женщин, — и пойдет дело!.. Притом разве вы не знаете, сколько между нашими соседями найдется современных людей!.. Посмотрите, как многие из них рассуждают!.. Если газета пойдет успешно, мы выпросим позволение у губернатора и будем ее печатать... Непременно издам!.. Кстати, ныне вечер у Хоботовых: объявляю всем об этом! Я уже половину объявления намахал. Говорю там: «Милостивые государи! Россия на пути своем к просвещению так рванулась вперед, что недаром Гоголь воскликнул: «Куда ты мчишься?..» — и так далее...

— Это вы недурно заметили!.. — проговорил помещик. — Начинайте! Главное, действуйте не спеша...

— Отчего же не спеша? Я ныне же всем объявляю, завтра рассылаю людей — кого с поручением собирать новости, кого с чем, и, не дальше как через неделю, все будет готово! — Господин Чаркин! вы съездите в село Быково, тут недалеко, — и попросите там регента, чтобы он написал статейку?

— Съезжу. Мне регент приятель.

— Он, как вам известно, запивает; но у него есть талант, я это знаю. А я завтра съезжу тут к офицерам; говорят, ротный хорошо сочиняет... Да еще у тыквинского помещика есть учитель Выюгин, — я и к нему съезжу.

Охотники расстались. Галкин еще раз решительно повторил, что он издает газету.

При закате солнца Галкин, одетый, сел в пролетку и уехал на вечер к Хоботовым. Почти в то же время отправился на беговых — дрожках — к регенту учитель.

II

В сумерки Галкин приехал к высокому новому дому Хоботовых, перед окнами которого изнутри выглядывало множество медных и бронзовых амуров, собачек, рыцарей, охотников и проч.

В зале Галкина встретил с ежовыми волосами хозяин. Схватившись за руки, ходили по комнатам девочки в распущенных платьях. Хозяин подал гостю руку и лениво сказал:

— Ну, что же, того... как ее... ваша бабушка?

— Она нездорова...

В гостиной на мягком диване, с томными глазами и полуоткрытым ртом, сидела хозяйка, имея на голове очень красивую куафюру¹. Ей было лет двадцать семь. С видимым желанием выразить всю нежность и грацию молодой женщины, она слегка привстала перед Галкиным, слегка поклонилась, но так, что ее глаза еще более сделались томными, — и вообще она как будто говорила: «Вглядитесь в меня, хоть, например, вы, господин Галкин, — я могла бы целое блаженство доставить человеку, достойному меня!..»

Впрочем, такая истома хозяйки замечалась преимущественно в начале представления гостей. Но после Катерина Ефимовна делалась просто милою хозяйкою, наблюдающею за вами, сколько вы съели чего и не дать ли вам еще

¹ Прическу (от фр. *la coiffure*).

чего-нибудь; как, проводив гостей, она делалась милою помещицею, которая в кругу горничных и лакеев поверяет в кухне и кладовой, сколько чего вышло на гостей и т. д.

В зале стояла толпа съехавшихся помещиков, окружив хозяина, который что-то рассказывал. Хозяин на время прервал свой рассказ и пошел к дверям встречать приехавшую соседку-помещицу с четырьмя взрослыми дочерьми и сыном-гимназистом. Он, как-то пасмурно (у хозяина был от природы такой взгляд) глядя на гостью, прежде всего за необходимое счел ей сказать, что он весьма здоров, и посмотрел на нее уже не пасмурно, а сердито...

— А Катерина Ефимовна? — спросила помещица.

— Она там... в гостиной.

Хозяин был такой человек, про которого ходило в окрестностях много небылиц, как, например, будто он раз с особенным вниманием смотрел на себя в зеркало и нашел, что его лицо ужасно напоминает свинью, о чем сообщил жене...

В зале явились три офицера с саблями. Между тем комнаты осветились огнями.

После чаю гувернантка Хоботовых сыграла на фортепьяно серенаду Шуберта и произвела в гостях необыкновенное уныние, а больше всего в помещиках, которые встосковались до того, что обнаружили покушение ехать домой. Но Хоботов удержал их и дал слово попросить гувернантку сыграть что-нибудь повеселей, хотя помещики ровно ничего не хотели слышать.

Галкин в это время сидел в гостиной и объявлял дамам о своей газете.

— Я вижу, — говорила хозяйка, — вы хотите нас описывать... Конечно, много найдете пищи для себя.